КУЗНЕЦКИЙ РАБОЧИЙ. – 1974. – 6 МАРТА

МИР ДЕТСКИХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

Книжка «Лесной переполох» издана тиражом в 75 000 экземпляров не в Кемерове, а в Сыктывкаре — столице республики Коми. Но автор ее Эдуард Гольцман работает в нашем городе, и, что еще важнее, его книжка заслуживает внимания читателей.

М. Горький говорил, что писать художественные произведения для детей гораздо труднее, чем для взрослых, во-первых, потому, что психология детей обладает особенностями, причем для каждого возраста своими, во-вторых, потому, что произведения для ребят непременно должны быть интересными и полезными и для взрослых.

В книжке Эдуарда Гольцмана всего 12 стихотворений, и почти все они удовлетворяют таким строгим требованиям. Они годятся и для дошколят 4—6 лет, и для школьников младших классов, да и для тех, кто воспитывает своих собственных детей. Прежде всего детские стихи должны быть интересными. Они у автора такие. Нужно, чтобы ребенок воображал, что стихи идут от него самого. И это требование выполнено. Требуется, чтобы в стихах непременно присутствовал мир фантастический, чтобы он соприкасался у малыша с миром реальным, который он мало-помалу осваивает. Герой Эдуарда Гольцмана живет в таком сложном мире. Нужно, наконец, чтобы все миропонимание детей освещал теплый, сердечный юмор. И он есть в книжке.

Один из приемов изображения у Эдуарда Гольцмана роднит его с живущим в Ростове-на-Дону хорошим поэтом и прекрасным рассказчиком Вениамином Жаком. Оба они умело проникают в мир детской фантастики, но Жак «работает» на школьников, а герои нашего автора, как правило, много моложе.

Герой Эдуарда Гольцмана фантазирует забавно, может быть, как и полагается, немножко озорно, но всегда с большим смыслом. Ребенок четырех — шести лет далеко не всегда представляет себе мир в его реальном значении. Многое ему кажется удивительным и подчас непонятным. Чтобы разобраться в нем, он строит его по-своему. Так возникают поразительные смещения, стремление переиначить то, что ребенок видит. Такой замысел осуществлен в стихотворении «Лесной переполох». Детскую игру предлагает и поддерживает, конечно, сам автор, но делает он это так, что мы не сомневаемся: его герой выступает сам, от своего собственного «я».

Маленький человечек пришел в лес и увидел такую картину: только что прошел дождь, и вопреки тому, что рассказывали сыну мама и папа, все представилось иначе. Грибы разбежались как попало — какой куда успел. Под осиной оказался подберезовик и, наоборот, там, где место волнушке, закрепился боровичок. Лишь мухоморы остались на своем месте — усыпали пригорок.

Ребячья психология такова, что она частенько олицетворяет неодушевленные предметы, приноравливает их к себе, создавая иллюзию чего-то живого. Стихи такого содержания тоже удаются Эдуарду Гольцману, Для маленьких они серьезны, для больших забавны и, что особенно важно, помогают понять своих детей. Очень доходчиво поучительно в этом смысле стихотворение «Ходики».

Спрашивает дочка:

- Зачем часам цепочка?
И гири повязали,
Видать, не для красы —
Неужто побоялись,
Что убегут Часы?

Прием олицетворения, как бы очеловечивания, использован и в стихотворениях «Тапки на царапки», «Сосулька», «Заводил шофер машину». Причем в этих и других произведениях мы всегда видим добрую улыбку автора, любящего детей и в то же время подчеркивающего юмористически: ведь это не я, взрослый дядя, что-то придумываю, это сами дети воспринимают окружающее по собственному домыслу. Получается и смешно, и совершенно правдиво. Девчушка рассматривает рыбок в аквариуме, видит, что они плывут стайкой. И ей приходит в голову мысль, до которой не дойдет взрослый: «рыбки» и спеть, наверное, могли бы, «когда вода б не заливалась в рот».

Пока мы познакомились со стихотворениями, где мир детских впечатлений вбирает в себя много фантастического, слабо реально познанного. Но у Эдуарда Гольцмана есть и такие произведения, где ребята (очевидно, уже постарше) начинают вступать постепенно в мир реальных отношений, приучаются видеть явления и вещи на своих местах и в своих; связях. Но и в данном случае автор сохраняет меру и «детскости» и меру своей скрытой в тексте оценки. Воображение продолжает «работать», разное мышление не исчезает. Однако к нему уже приобщается и реальное. В стихотворении «Туча» рассказывается о том, как проходило грозовое облако мимо села, уронило ведра и пролило воду. Малыш интересуется: а «где: же коромысло? Радугой цветной на плече повисло тучи грозовой.

В таком же духе выдержаны и стихотворения «Иголка», «Снегопровод», «Фонарики».

Жалко лишь, что в хорошей книжке есть и слабые произведения. В «Ходиках» чужеродной

оказалась строка: «Видать, не для красы» (о гирях). Причем к такому выражению прибегает маленькая девочка. А два стихотворения неудачны в целом. Одно из них называется «Ната и лопата». Здесь обычный факт не получил художественного претворения и ничего особенного не открыл героине. Ната все лето(!) копала землю под грядки и в итоге лопатка заблестела. Ничего удивительного или интересного автор тут не показал. Есть стихотворение, а в нем свой ритм и рифмы, и все же мы воспринимаем его, как обычную информацию. Столь же бедный прием использован и в «Петушках». Может быть, из истории с лопатой трудно было «выжать» что-то поэтическое, зато в «Петушках» был объективно содержательный и явно «драматический» материал. Тут, очевидно, ребенок наблюдает, как у тополя подрались два петушка и пощипали один у другого гребешки. Однако история эта никого не поразила, никаких эмоций не вызвала и выше познавательного уровня не поднялась.

Хочется пожелать автору, чтобы он изъял из своей, книжки слабые стихи, добавил новые. А Кемеровское книжное издательство сделало бы хорошее дело, выпустив книжку очень важного жанра, который довольно бедно представлен в творчестве писателей нашей области.

А. АБРАМОВИЧ,
член Союза писателей СССР.